

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная статья / Article

УДК 903.2(571.53/.55)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-02)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЦАГАН-ХУШУН-II «А» НА ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗ. БАЙКАЛ

Алексей Михайлович Коростелев

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия;
alex-korostelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>

Резюме. Погребально-поминальные комплексы представляют собой объекты, состоящие из захоронений человека и поминальных конструкций или ритуальных кладок, под которыми могут находиться предметы, имеющие какое-либо символическое значение для соорудивших их людей. Одним из таких объектов на Байкальском побережье является памятник железного века Цаган-Хушун-II в Приольхонье. До настоящего времени он считался объектом с одним видом погребальной обрядности — елгинской, существовавшей на территории Прибайкалья с III в. до н.э. до IV в. н.э. Погребенные в могильных ямах были уложены скорченно, на боку, головой ориентированы на юго-восток. Но произведенные в последние годы раскопки выявили более ранний тип захоронений — бутухейский. Для бутухейской погребальной обрядности характерно положение погребенного в могильной яме вытянуто, на спине, головой ориентированного на юго-восток. По костям погребенных из двух бутухейских захоронений, обнаруженных в южной части могильника, получены радиоуглеродные даты. Возраст захоронения №23 соответствует III — началу II в. до н.э., возраст погребения №31 — II — началу I в. до н.э. Таким образом, бутухейская и елгинская погребальные традиции существовали совместно на протяжении более чем двух веков. Их представители хоронили своих умерших на одних и тех же могильниках.

Ключевые слова: погребально-поминальный комплекс, захоронение, Прибайкалье, сопроводительный инвентарь, железный век

Для цитирования: Коростелев А.М. Новые данные по результатам исследования погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун-II «а» на побережье оз. Байкал // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №1. С. 30–46. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-02).

NEW DATA ON THE RESULTS OF THE STUDY OF THE FUNERAL AND MEMORIAL COMPLEX THE TSAGAN-KHUSHUN-II “A” ON THE COAST OF LAKE BAIKAL

Aleksei M. Korostelev

*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia,
alex-korostelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>*

Abstract. Funeral and memorial complexes are the objects consisting of human burials and memorial structures or ritual masonry, under which there may be objects that have some symbolic meaning for the people who built them. One of such objects on the Baikal coast is the site of the Iron Age Tsagan-Khushun-II in the Priolkhonye. Until now, it was considered an object with one type of funeral rite — the Elginsky, which existed on the territory of the Baikal region from the 3rd century BC to the 4th century AD. Those buried in the grave pits were laid crouched, on their sides, with their heads oriented to the southeast. However, the excavations carried out in recent years have revealed an earlier type of burial — Butukheysky. For the Butukheysky burial rite, the position of the person buried in the grave pit is elongated, on his back, with his head oriented to the southeast. Radiocarbon dates were obtained from the bones of those buried from two Butukheysky burials discovered in the southern part of the burial ground. The age of burial No. 23 corresponds to the end — beginning of the 2nd centuries BC, the age of burial No. 31 — II — beginning of the 1st centuries BC. Thus, the Butukheysky and Elginsky burial traditions have existed together for more than two centuries. Their representatives buried their dead in the same burial grounds.

Keywords: funeral and memorial complex, burial, Baikal region, accompanying inventory, Iron Age

For citation: Korostelev A.M. New Data on the Results of the Study of the Funeral and Memorial Complex Tsagan-Khushun-II “a” on the Coast of Lake Baikal. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(1):30–46. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-02)

Введение

К настоящему времени крупнейшим погребально-поминальным комплексом железного века в Приольхонье (западное побережье озера Байкал) является Цаган-Хушун-II. Исследования на памятнике проводятся с 2000 г. Основные результаты его изучения уже нашли отражение в научных статьях (Харинский, 2003, с. 248–254; Коростелев, 2011, с. 238–242; Харинский, Коростелев, 2011а, с. 377–385; 2011б, с. 173–203). Первоначально возраст памятника оценивался в пределах III–I вв. до н.э., а обнаруженные на нем захоронения соотносились с погребениями елгинского типа. Раскопки 2012 г. и полученный во время их проведения материал скорректировали представления об этом археологическом объекте. Новые данные позволяют говорить о Цаган-Хушун-II как о погребально-поминальном комплексе, существовавшем с середины V в. до н.э. до I в. н.э. и включавшем захоронения с двумя погребальными традициями: елгинской и бутухейской.

Целью представленной статьи является введение в научный оборот материалов из раскопок 2012 г. на могильнике Цаган-Хушун-II и их предварительная характеристика. Актуальность представленных данных заключается в их важности для решения вопросов формирования елгинской археологической культуры, взаимодействия ее носи-

телей с более ранним населением байкальских берегов — бутухейцами и влияния носителей этих погребальных традиций на процессы становления и развития железного века на территории Прибайкалья.

Существование на территории Прибайкалья в конце I тыс. до н. э. нескольких групп захоронений свидетельствует о тесном культурном влиянии сообществ, проживавших здесь в этот период времени и постепенно сменявших друг друга. Такое влияние прослеживается как в самом погребальном обряде — например, ориентировка погребенного, так и в сопроводительном инвентаре.

Материалы исследований

Археологический памятник Цаган-Хушун-II находится в восточной части мыса Цаган-Хушун, в 1,25 км от населенного пункта с. Курма (Ольхонский район Иркутской области). Он занимает две микролощины, расположенные между обрывистым берегом и холмом, находящимся в центре мыса. На территории объекта искусственные каменные конструкции и могильные ямы отмечены в обеих микролощинах. Раскопки в них велись раздельно, поэтому памятник был поделен на два пункта. Южная часть памятника обозначена литерой «а», а северная — литерой «б».

Участок «а» занимает пологую площадку размером ~30×40 м, вытянутую по линии запад–восток. Ее западная и южная стороны ограничиваются грядами скальных выходов, восточная сторона оканчивается крутым обрывом, северная сторона соотносится со скальной грядой, отделяющей участок «а» от участка «б».

Участок «б» погребально-поминального комплекса занимает его северную территорию. Он имеет длину около 60 м и ширину 15–20 м. Северо-восточный конец используемой для захоронений площадки ограничен скальным обрывом, спускающимся к Байкалу, а юго-западная оконечность — холмом, находящимся в центре мыса.

Археологические раскопки на Цаган-Хушуне-II проводились с 2000 по 2010 г. Всего на участке «а» было зафиксировано 19 комплексов, а на участке «б» раскопано 28 комплексов. По итогам проведенных исследований раскопки в северной части памятника были завершены. В 19 ямах пункта «б» обнаружены человеческие кости, в 17 комплексах найдены артефакты. В яме комплекса №4 находилось непо потревоженное погребение. На южной территории памятника было расчищено 13 каменных кладок и 15 ям. В пяти ямах участка «а» найдены человеческие кости, в восьми ямах материал полностью отсутствовал. В яме комплекса №19 обнаружено непо потревоженное захоронение (Харинский, Коростелев, 2011а, с. 378). В южной части памятника Цаган-Хушун-II около половины перспективной территории, где можно было обнаружить погребения, оставалось неисследованной.

В 2012 г. археологические раскопки погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун-II на участке «а» были продолжены. Общая вскрытая площадь, примыкавшая с юга к раскопам предыдущих лет, составила 177 кв. м. Всего расчищено 14 каменных кладок и восемь ям. В северо-западной части раскопа какие-либо искусственные сооружения отсутствовали (рис. 1). Если под кладкой находилась яма, то они обозначались единым номером. В четырех ямах зафиксированы погребения, два из которых сохранились непо потревоженными. Еще в четырех ямах материал представлен керамикой, фрагментами костей, бронзовой пуговицей. Номер комплексу присваивался по мере его

фиксации. Изначально выделенный комплекс №29 оказался частью кладки комплекса №31, поэтому он в перечень описываемых ниже комплексов не вошел.

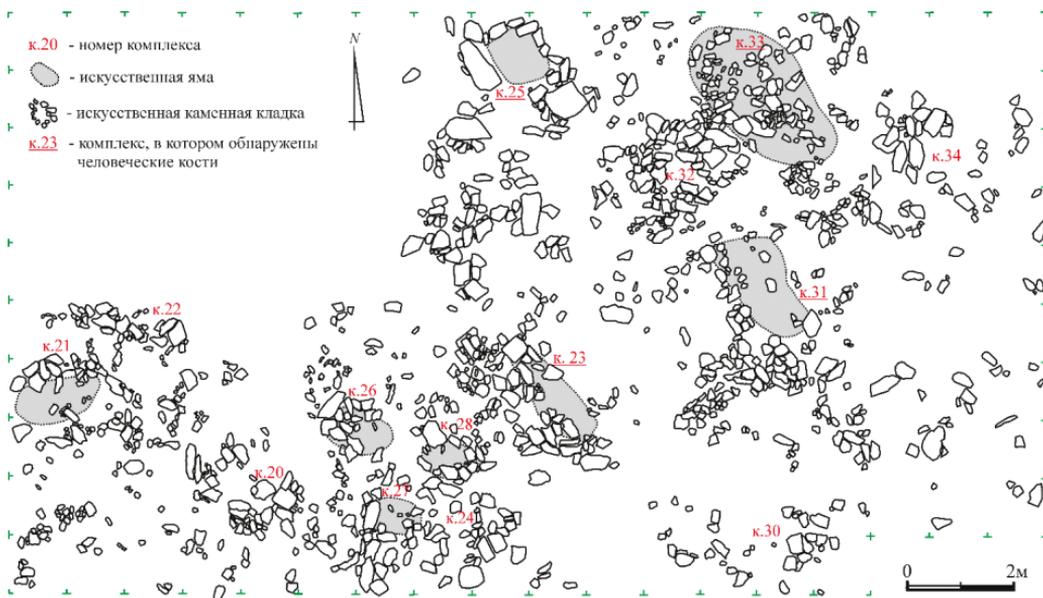

Рис. 1. Цаган-Хушун-II «а», раскопки 2012 г.: план могильника
Fig. 1. Tsagan-Khushun-II "a", excavations 2012: burial ground plan

Комплекс №20. Кладка комплекса округлой формы, диаметром 1,7 м, плоская, однослойная. Ее юго-восточная часть состоит из мелких камней, размером до 0,15×0,1 м. Южная часть кладки разрушена. Археологический материал представлен одним фрагментом неопределимой кости.

Комплекс №21 находился в 2 м к северо-западу от комплекса №20. Его кладка сильно разрушена, читается кольцевая форма диаметром 1,8 м. В южной части отмечен второй уровень камней. Под кладкой фиксировалась яма овальной формы, размером 0,75×1,5 м, глубиной 0,15 м. Она ориентирована длинной осью по линии 3–В. Археологический материал представлен двумя фрагментами гладкостенной неорнаментированной керамики и одним кремневым отщепом.

Комплекс №22 располагался в 0,5 м к северо-востоку от комплекса №21. Кладка овальной формы, размером 2,2×0,8 м, ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Археологический материал отсутствовал.

Комплекс №23 локализовался в 4 м к востоку от комплекса №22. Кладка комплекса плоская, однослойная, овальной формы, размером 3,5×1,4 м, ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ (рис. 2.-1). В процессе вскрытия дерна и зачистки камней кладки зафиксировано 77 фрагментов керамики. Из них два — с орнаментом. Керамика отмечена небольшими скоплениями (по 5–8 фрагментов) в северной и центральной части кладки. Под кладкой располагалось надмогильное перекрытие из средних (0,45×0,25 мм) и мелких (0,10×0,08 мм) камней (рис. 2.-2). Во время расчистки обна-

ружено два фрагмента гладкостенной керамики без орнамента и бронзовая застежка со сквозным отверстием для продевания ремешка (рис. 6.-1).

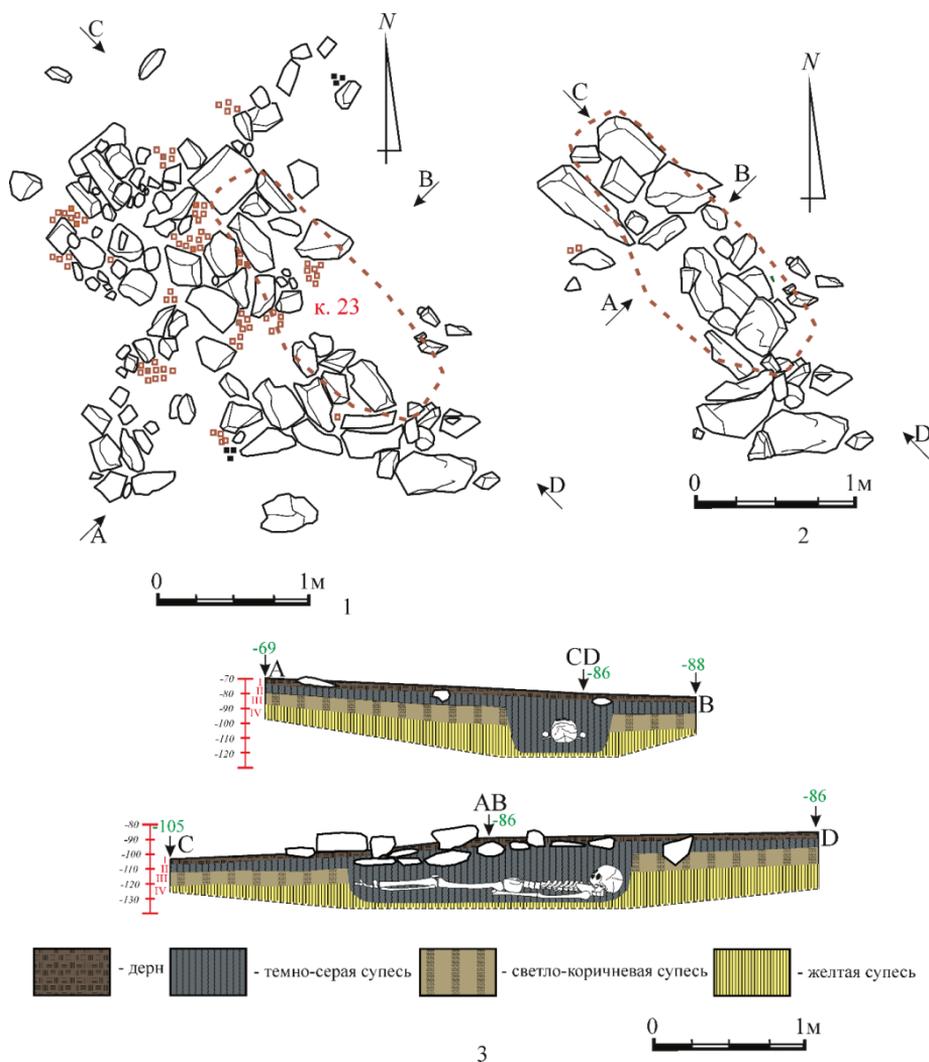

Рис. 2. Цаган-Хушун-II «а», комплекс №23: 1 – кладка после расчистки;

2 – второй уровень камней; 3 – профильные разрезы

Fig. 2. Tsagan-Khushun-II "a", complex No. 23: 1 – masonry after clearing;

2 – the second level of stones; 3 – profile sections

Могильная яма овальной формы, размером 2,0×0,6 м и глубиной 0,35 м, ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В ней обнаружено потревоженное захоронение (рис. 2.-3; рис. 3). Погребенный человек располагался вытянуто на спине и головой на юго-восток. Костяк принадлежал мужчине 25–30 лет. Вместе с ним зафиксирован сопроводительный инвентарь: два наконечника стрелы из кости с расщеплен-

ным насадом (рис. 6.-3-4); бронзовая пуговица (рис. 6.-2) и частично сохранившаяся железная пуговица (рис. 6.-5). Наконечники стрел находились: один возле левой бедренной кости, ориентация острием на юго-восток, второй — возле левой лучевой кости, ориентация на восток. Бронзовая пуговица сферической формы, диаметром 3 см, с петелькой с обратной стороны. Она зафиксирована справа от правой лучевой кости. Железная пуговица находилась на груди погребенного, между ребер. Она сохранилась частично, ее диаметр 2 см.

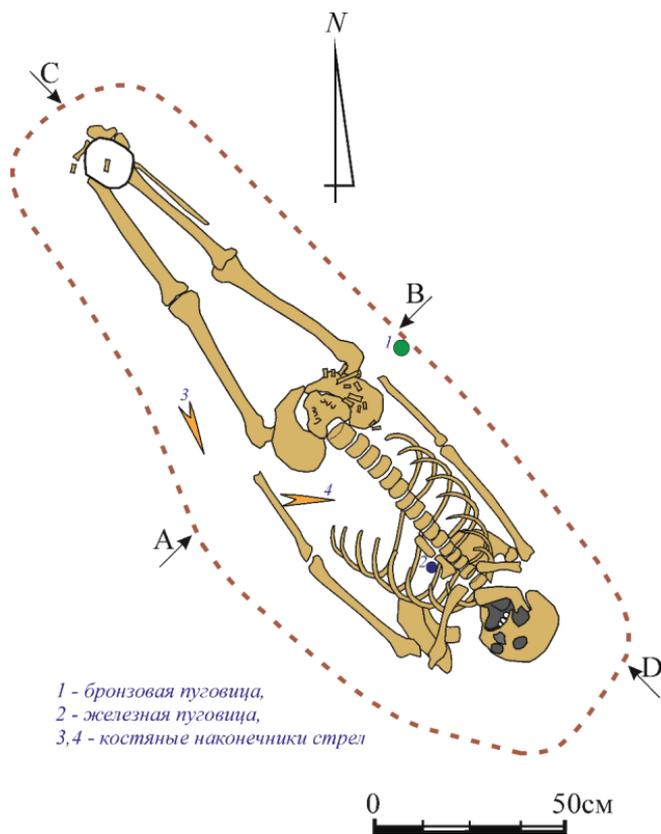

Рис. 3. Цаган-Хушун-II "а", комплекс №23: положение костяка в могильной яме
Fig. 3. Tsagan-Khushun-II "a", complex No. 23: the position of the backbone in the grave pit

Комплекс №24 локализовался в 1 м к юго-западу от комплекса №23. Каменная конструкция круглой кольцевой формы, диаметром 2 м, плоская, однослойная. Выложена из средних (0,30×0,15 м) и мелких (0,15×0,10 м) камней. В южной части конструкции на глубине 15 см найдена каменная бусина синего цвета, диаметром 0,9 см (рис. 6.-7).

Комплекс №25 располагался в 0,5 м северу от комплекса №23. Его кладка овальной формы, размером 2,5×1,5 м. Плоская, двухслойная. Она состоит из крупных (0,95×0,35 м) и средних (0,25×0,10 м) камней. Кладка ориентирована длинной осью по линии ЮВ-СЗ. Ее юго-западная часть разрушена, камни отсутствуют. Северо-вос-

точная сторона сложена только из камней средних размеров. Во время расчистки в центре кладки отмечено несколько фрагментов неопределимой кости и фрагмент черепа человека. В западной части кладки найден железный нож длиной 14,5 см, шириной 1,5 см. В его рукояти сделано отверстие для крепления (рис. 6.-8). Второй слой камней был сосредоточен в северной и центральной части кладки. Во время его расчистки обнаружен фрагмент гладкостенной керамики и несколько неопределимых фрагментов кости.

Могильная яма овальной формы, размером 1,10×0,90 м, вытянута длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Погребение разрушено. В первоначальном положении сохранились только кости ног. Судя по размерам могильной ямы и расположению костей ног, изначально погребенный был захоронен в скорченном положении, на правом боку, головой ориентирован на юго-восток. Сопроводительный инвентарь в яме отсутствовал.

Комплекс №26 локализовался в 1 м к северо-востоку от комплекса №20. Каменная конструкция овальной формы размером 1,2×0,9 м. Кладка ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В ее юго-восточной части камни частично отсутствовали. Под кладкой отмечена яма овальной формы, размером 1,20×0,75×0,25 м. Ориентировка ямы совпадает с ориентировкой кладки. На дне ямы находилось два плоских камня размерами 0,55×0,30 м. Возле них найдена бронзовая пуговица сферической формы с петелькой с обратной стороны. Диаметр изделия 2 см (рис. 6.-6).

Комплекс №27 располагался в 0,60 м к юго-востоку от комплекса №26. Кладка отсутствовала. Яма овальной формы размером 1,1×0,60 м, ориентирована длинной осью по линии Ю–С. Во время расчистки обнаружен фрагмент челюсти животного, два фрагмента черепа, фрагменты бедренной и трубчатой кости и три фрагмента керамики без орнамента. На дне ямы отмечены четыре плотно уложенных камня. Глубина ямы 0,38 м.

Комплекс №28 локализовался посередине между комплексами №23, 24, 26 и 27. Кладка круглой кольцевой формы диаметром 1,3 м. Она состояла из средних и мелких камней. Под кладкой зафиксирована яма овальной формы, размером 1,0×0,6 м, ориентирована длинной осью по линии Ю–С. На дне ямы отмечены два вертикально стоявших камня, обнаружены зуб животного и фрагмент трубчатой кости. Глубина ямы 0,35 м.

Комплекс №30 находился в 2,5 м к востоку от комплекса №24. Кладка кольцевой незамкнутой формы. Камни из северной части полностью отсутствовали. Диаметр кладки 1,8 м. Во время расчистки обнаружено 70 фрагментов керамики, из них 34 орнаментированных. Яма отсутствовала. Керамика представлена фрагментами тулова (без орнамента) и венчика прямой симметричной формы. Венчик в 0,5 см от края декорирован наклепным валиком треугольной формы с пальцевыми защипами.

Комплекс №31 локализовался в 1 м к северу от комплекса №30. Первоначальную форму и размеры кладки установить сложно, так как она сильно разрушена. Сохранилась ее южная часть из плотно уложенных камней и полоса камней, примыкающих к южной части с северо-западной стороны, расположенных по линии ЮВ–СЗ (рис. 4). По разбросу камней можно предположить, что изначально кладка была прямоугольной формы, размером 3×2 м, с ориентировкой по длинной оси по линии ЮВ–СЗ. Во время расчистки среди камней обнаружено 54 фрагмента от тулова гладкостенного керамического сосуда, без орнамента.

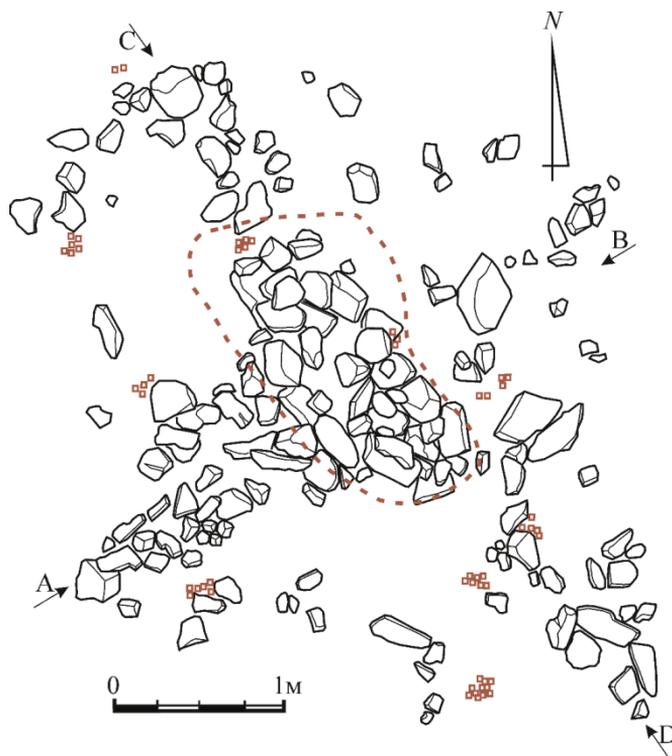

Рис. 4. Цаган-Хушун-II «а», комплекс №31: кладка после расчистки
 Fig. 4. Tsagan-Khushun-II "a", complex No. 31: masonry after clearing

Под кладкой отмечена могильная яма овальной формы, размером 2,0×0,75×0,30 м, вытянутая по линии ЮВ–СЗ. В яме зафиксировано непогрешенное погребение (рис. 5.-1–2). Костяк располагался вытянуто, на спине, головой ориентирован на юго-восток. Кости рук вытянуты в сторону тазовых костей, череп слегка повернут в правую сторону. Вместе с костяком в могильной яме обнаружен сопроводительный инвентарь: четыре роговые накладки лука; три наконечника стрел из кости с расщепленным насадом; три железные бабочковидные бляхи; бронзовая бабочковидная бляха; железное кольцо; два бронзовых кольца (рис. 7; рис. 8).

Две накладки лука располагались между стоп погребенного, одна — слева от левой бедренной кости и одна — в правой части грудной клетки. Два наконечника стрел обнаружены в области таза и один — в левой части грудной клетки. Рядом с наконечниками в области таза находились две железные бабочковидные бляхи и одна бляшка возле левой плечевой кости. С ней же лежала бронзовая бабочковидная бляха. Кольца из бронзы и железа отмечены возле левой лучевой кости. Вероятно, они составляли наконечное украшение.

Комплекс №32 с северо-запада примыкал к комплексу №31. Кладка круглой формы, диаметром 2,2 м, плоская, однослойная. Материал представлен несколькими фрагментами неопределимой кости. Яма отсутствовала.

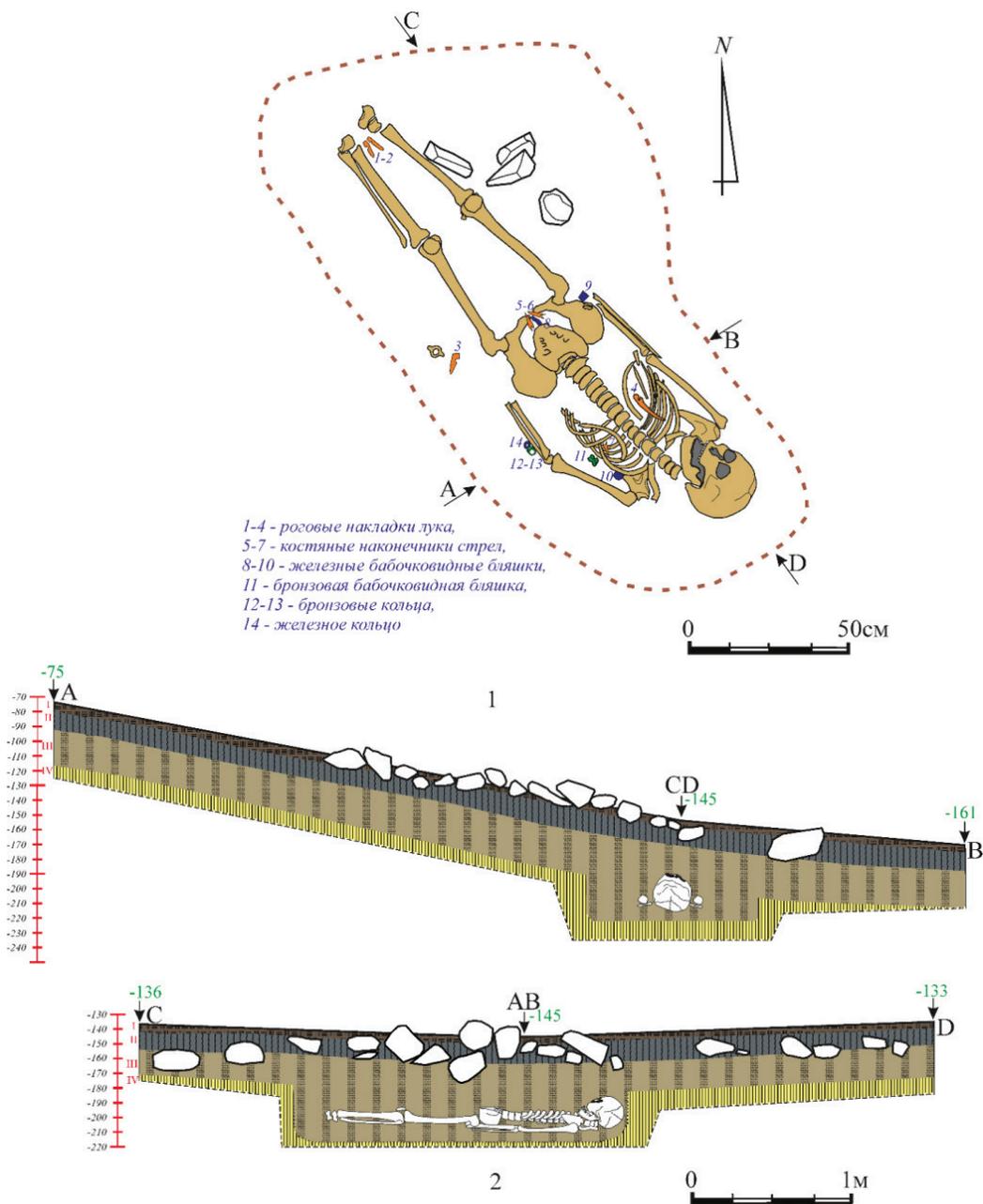

Рис. 5. Цаган-Хушун-II "а", комплекс №31:

1 — положение костяка в могильной яме; 2 — профильные разрезы

Fig. 5. Tsagan-Khushun-II "a", complex No. 31:

1 — the position of the backbone in the grave pit; 2 — profile sections

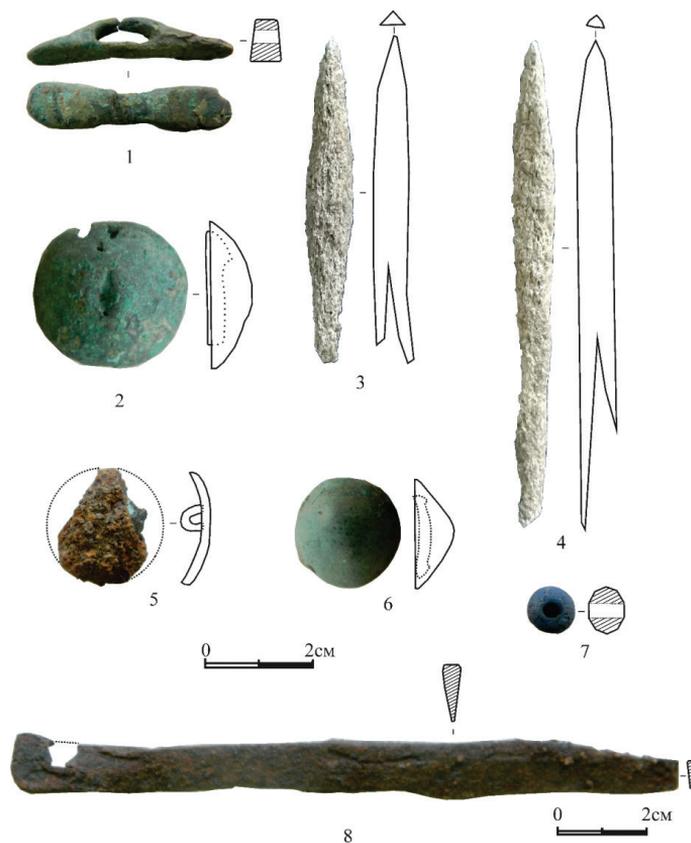

Рис. 6. Цаган-Хушун-II «а», сопроводительный материал: комплекс 23: 1 – бронзовая застёжка; 2 – бронзовая пуговица; 3, 4 – костяные наконечники стрел; 5 – железная пуговица; комплекс 26: 6 – бронзовая пуговица; комплекс 24: 7 – каменная бусина; комплекс 25: 8 – железный нож

Fig. 6. Tsagan-Khushun-II "a", accompanying material: complex 23: 1 – bronze clasp; 2 – bronze button; 3, 4 – bone arrowheads; 5 – iron button; complex 26: 6 – bronze button; complex 24: 7 – stone bead; complex 25: 8 – iron knife

Комплекс №33 располагался в 0,2 м к северо-востоку от комплекса №32. Кладка круглой кольцевой формы, диаметром 1,6 м, плоская, однослойная. В северо-восточной и западной частях кладки камни частично отсутствовали. Во время расчистки обнаружено 47 фрагментов гладкостенной керамики без орнамента и фрагмент челюсти животного. В процессе снятия камней было отмечено пятно, по размеру больше, чем оставшаяся часть кладки. Его размеры 3×1,8 м, ориентировка длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Юго-восточная часть ямы заполнена скоплением мелких камней. С юго-запада от ямы, на границе с комплексом 32, во время расчистки обнаружен череп человека, два ребра, позвонок, лучевая и плечевая кости. Судя по всему, кости были выброшены из могильной ямы во время ее разграбления. Определить изначальное положение костей в могильной яме не представляется возможным.

Комплекс №34 с юго-восточной стороны примыкал к комплексу №33. Конструкция овальной формы, размером 2,6×1,5 м. Кладка ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ, плоская, однослойная. Материал представлен несколькими фрагментами неопределимой кости и четырьмя фрагментами гладкостенной керамики без орнамента.

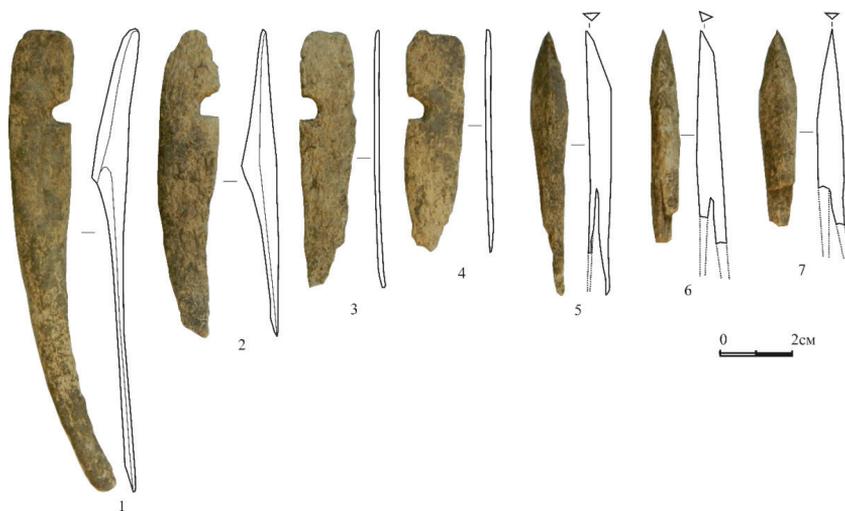

Рис. 7. Цаган-Хушун-II «а», комплекс №31, изделия из кости:
1–4 – накладки лука; 5–7 – наконечники стрел
Fig. 7. Tsagan-Khushun-II "a", complex No. 31, bone products:
1–4 – bow linings; 5–7 – arrowheads

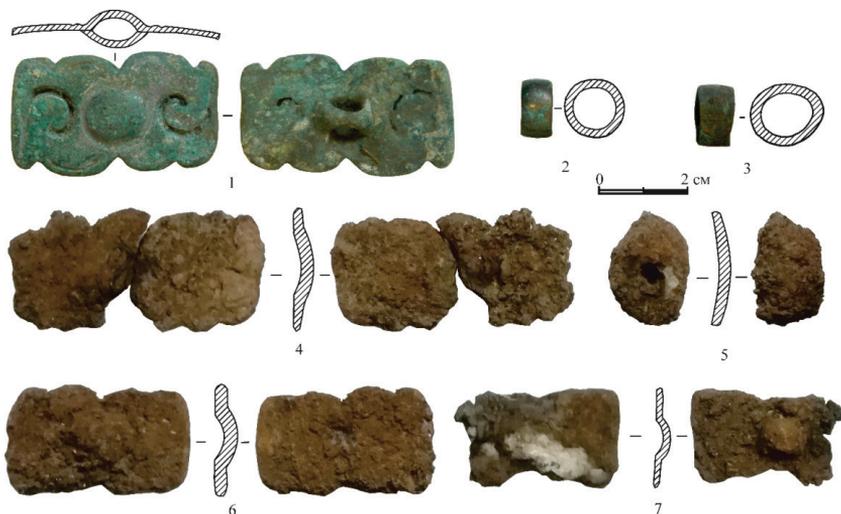

Рис. 8. Цаган-Хушун-II «а», комплекс №31, находки:
1 – бронзовая бляха; 2, 3 – бронзовые кольца; 4, 6, 7 – железные бляхи; 5 – железное кольцо
Fig. 8. Tsagan-Khushun-II "a", complex No. 31, finds:
1 – bronze plaque; 2, 3 – bronze rings; 4, 6, 7 – iron plaques; 5 – iron ring

Результаты и обсуждение

Во время проведения археологических раскопок на памятнике Цаган-Хушун-II «а» выяснилось, что большинство каменных кладок оказалось разрушенными в древности, поэтому до раскопок определить их пропорции и соотношение с ямами не представлялось возможным. Стоит отдельно рассмотреть наличие поминальных комплексов на объекте, к которым отнесены в первую очередь каменные кладки без ям. В их число входят кладки №20, 22, 24, 30, 32 и 34. Под кладками поминальных комплексов №21, 26, 28 отмечены ямы. Материал из них представлен фрагментами керамики, фрагментами костей животных и бронзовой пуговицей. Над ямой поминального комплекса №27 кладка отсутствовала. Материал в нем представлен фрагментами костей животных.

В комплексах №23, 25, 31 и 33 обнаружены человеческие останки. В двух погребениях, №23 и 31, костяк полностью сохранился. Погребенный располагался вытянуто на спине, головой был ориентирован на юго-восток. Оба захоронения не потревожены, за исключением надмогильных кладок. В ямах с костяками сопроводительный инвентарь представлен предметами вооружения и деталями одежды, имеющими практическое и декоративное значение. Обнаружены наконечники стрел из кости с раздвоенным насадом, треугольные в сечении. Эти предметы вооружения имеют аналогии среди хуннских наконечников стрел. Они получают широкое распространение в Предбайкалье в конце III в. до н. э. В это же время в степных районах Евразии среди вооружения у хунну преимущественно использовался сложносоставной лук, включающий концевые роговые накладки (Харинский, 2005, с. 50). Бронзовые и железные бляшки и пуговицы также имеют широкие аналогии среди находок с территории Южной Сибири и Центральной Азии и датируются рубежом эр (Харинский, 2014, с. 39).

Судя по расположению погребенных и набору сопроводительного инвентаря, захоронения комплексов №23 и 31 следует отнести к бутухейской погребальной традиции, распространенной на территории Предбайкалья в XIV в. до н. э. — I в. н. э. (Туркин, 2003, с. 136). Впервые бутухейская группа захоронений выделена среди погребений раннего железного века Приольхонья О.И. Горюновой (1993, с. 79). «Бутухейцы» хоронили своих соплеменников в могильной яме вытянуто на спине, с ориентировкой погребенного головой на восток или юго-восток. Над захоронениями сооружались каменные кладки овальной кольцевой формы.

Впервые захоронения с труположением вытянуто на спине и ориентировкой на восток — юго-восток встречены во второй группе Фофановского могильника (Герасимов, Черных, 1975). Время их существования по радиоуглеродным датам определяется серединой III тыс. до н. э. — серединой II тыс. до н. э. (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Затем во 2-й четверти II тыс. до н. э. происходит распространение бутухейского погребального обряда на западном берегу Байкала. В 1-й половине I тыс. до н. э. он появляется на северо-восточном и северо-западном побережье Байкала, а также в Южном Приангарье.

Наряду с бутухейскими захоронениями на участке «а» памятника Цаган-Хушун-II обнаружены и захоронения, в которых умершие располагались в могильной яме скорченно на боку, головой ориентированы на юго-восток. Такой погребальный ритуал характерен для елгинских захоронений Прибайкалья (Горюнова, 1993; Горюнова, Пудов-

кина, 1995; Харинский, 2001; 2002; 2003). На участке «а» елгинские захоронения обнаружены в комплексах №6, 19 (Харинский, Коростелев, 2011а, с. 384) и №25.

Впервые захоронения железного века, в которых погребенные располагались на боку с подогнутыми ногами, обнаружены в Селенгинской долине. В V в. до н.э. этот погребальный ритуал приходит на смену культуре плиточных могил (Цыбиктаров, 1998, с. 110). За ним закрепилось название погребения сотниковского типа (Харинский, 2006). Начиная с III в. до н.э. захоронения такого типа появляются на западном берегу Байкала (Харинский, Снопков, 2004, с. 186).

По костям погребенных с памятника Цаган-Хушун-II в лаборатории Ångström (Ангстрем) при Уппсальском университете получена серия радиоуглеродных дат, представленных в таблице.

**Радиоуглеродные даты по человеческим костям
из захоронений погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун-II
с поправкой на эффект пресноводного резервуара с использованием уравнения
регрессии для Малого моря (Losey et al., 2017)**

**Radiocarbon dates for human bones
from the graves of the Tsagan-Khushun-II funeral and memorial complex,
adjusted for the effect of a freshwater reservoir using the regression equation
for the Small Sea (Losey et al., 2017)**

Археологический объект	№ комплекса	Лабораторный номер	14C дата BP	Доверительный интервал	Скорректированная дата BP	Скорректированный доверительный интервал
Цаган-Хушун-II «а»	6, елгинское	Уа-49672	2482	33	2231	61
Цаган-Хушун-II «а»	19, елгинское	Уа-49668	2683	37	2357	64
Цаган-Хушун-II «а»	23, бутухейское	Уа-49665	2580	32	2162	61
Цаган-Хушун-II «а»	31, бутухейское	Уа-49669	2481	34	2089	62
Цаган-Хушун-II «б»	4, елгинское	Уа-49667	2273	30	1891	60
Цаган-Хушун-II «б»	16, елгинское	Уа-49666	2219	36	1935	63
Цаган-Хушун-II «б»	20, елгинское	Уа-49664	2153	32	1904	61
Цаган-Хушун-II «б»	27, елгинское	Уа-49671	2321	32	2172	61

Судя по радиоуглеродным датам возраст захоронения из комплекса №23 соответствует III — началу II в. до н.э., возраст погребения из комплекса №31 — II — началу I в. до н.э. Оба захоронения располагались в южной части памятника, а к северу от них находились елгинские захоронения. Дата по захоронению комплекса №6, с учетом резервуарного эффекта, соотносится с концом IV — серединой III в. до н.э., а дата по погребению из комплекса №19 соответствует середине V — середине IV в. до н.э.

до I в. н. э. Даты по елгинским захоронениям с участка «b» соответствуют III в. до н. э. — I в. н. э. Таким образом, в целом памятник Цаган-Хушун-II можно датировать в пределах середины V в. до н. э. — I в. н. э.

Формирование археологического комплекса началось с южной части, где располагались елгинские захоронения, датирующиеся в пределах середины V — середины III в. до н. э. К настоящему времени это наиболее ранние елгинские захоронения, обнаруженные к западу от Байкала. Следующую хронологическую группу памятника составляют бутухейские погребения, относящиеся к III — началу I в. до н. э. Не исключено, что бутухейское население, оставившее эти захоронения, на некоторое время вытеснило раннюю группу «елгинцев» с территории Приольхонья. Возможно, в знак подтверждения своего доминирующего положения носители бутухейских погребальных традиций разрушили большую часть погребений основателей могильника — ранних «елгинцев». Завершающей фазой существования могильника стало сооружение елгинских захоронений в северной части могильника и окончательное закрепление носителей елгинской погребальной традиции на территории Приольхонья.

Заключение

На протяжении середины I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. на побережье Байкала были распространены две погребальные традиции, различающиеся между собой прежде всего положением умершего. Первая из них — бутухейская, характеризуется труположением вытянуто, на спине, с ориентировкой головой на юго-восток. Вторая погребальная традиция — елгинская. Для нее характерно положение умерших на боку, с поджатыми ногами, с ориентировкой головы на восток — юго-восток. Представители двух погребальных традиций хоронили своих умерших на одних и тех же могильниках. Зачастую их захоронения располагались вблизи друг от друга, не нарушая могилы предшественников. Это свидетельствует о незначительных хронологических перерывах в их сооружении, желании придерживаться определенных планиграфических канонов и стремлении терпимо относиться друг к другу (Коростелев, Харинский, 2010, с. 75). Хотя, как показывают материалы погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун-II, встречались и случаи разрушения захоронений переселенцев. Подобное действие воспринималось как пресечение прав людей, оставивших захоронения, на владение территорией, на которой располагались могилы их предков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 23–48.

Горюнова О. И. Ранний железный век на территории Предбайкалья: (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ, 1993. С. 76–80.

Горюнова О. И., Пудовкина Е. А. Могильник Елга-VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1995. С. 154–174.

Коростелев А. М. Население Приольхонья на рубеже эр: по археологическим данным // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. №7 (54). С. 238–242.

Коростелев А. М., Харинский А. В. Погребально-поминальный комплекс Байкальское-27 и его культурно-хронологическая интерпретация // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2010. С. 73–76.

Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья в эпоху голоцена // Советская археология. 1989. №1. С. 19–32.

Туркин Г. В. Современные представления о погребально-поминальной обрядности населения Предбайкалья (эпоха поздней бронзы — раннего железа) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. С. 131–137.

Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. — сер. II тыс. н. э.: генезис культуры и их периодизация. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001. 200 с.

Харинский А. В. Погребальный обряд населения Приольхонья на рубеже эр // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток : Изд-во ДВО РАН, 2002. С. 112–125.

Харинский А. В. Могильник Цаган-Хушун-II на западном побережье Байкала // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Третья международная конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. С. 248–254.

Харинский А. В. Вооружение жителей Приольхонья в III в. до н. э. — IV в. н. э. и некоторые тенденции развития военного дела населения Предбайкалья // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 46–51.

Харинский А. В. Лесостепное Предбайкалье в хунну-сяньбийское время // Народы Внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и цивилизационной динамике. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2006. С. 11–15.

Харинский А. В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия лаборатории древних технологий. 2014. №3 (12). С. 19–43.

Харинский А. В., Коростелев А. М. Результаты исследования погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун-II «а» в Приольхонье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011а. Вып. 2. С. 377–385.

Харинский А. В., Коростелев А. М. Западное побережье озера Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011б. С. 173–203.

Харинский А. В., Снопков С. В. Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2004. Вып. 2. С. 167–187.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1998. 288 с.

Losey R. J., Waters-Rist A. L., Nomokonova T., Kharinskii A. V. 2017. A second mortuary hiatus on Lake Baikal in Siberia and arrival of small-scale pastoralism. Scientific Reports 7:2319 doi:10.1038/s41598-017-02636-w

REFERENCES

- Gerasimov M. M., Chernykh E. N. Fofanovskiy Excavations of a Burial Ground in 1959. In: Primitive Archeology of Siberia. Leningrad : Nauka, 1975. Pp. 23–48. (*In Russ.*)
- Goryunova O. I. Early Iron Age on the Territory of CIS-Baikal Region: (current state of the problem). In: Ethnosocial Community in Eastern Siberia and Their Socio-Cultural Dynamics. Ulan-Ude : Izd-vo BNC, 1993. Pp. 76–80. (*In Russ.*)
- Goryunova O. I., Pudovkina E. A. The Burial Ground of Yelga VII and Its Place in the Periodization of the Iron Age of the Priolkhonye. In: Baikal Siberia in Antiquity. Irkutsk : Izd-vo IGU, 1995. Pp. 154–174. (*In Russ.*)
- Korostelev A. M. The Population of the Priolkhonye Region at the Turn of the ER: according to Archaeological Data. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 2011;7(54):238–242. (*In Russ.*)
- Korostelev A. M., Kharinsky A. V. Funeral and Memorial Complex Baikalskoe 27 and Its Cultural and Chronological Interpretation. In: Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Ulan-Ude : Izd-vo BGU, 2010. Pp. 73–76. (*In Russ.*)
- Mamonova N. N., Sulerzhitsky L. D. The Experience of Dating C14 Burials of the Baikal Region in the Holocene Epoch. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1989;1:19–32. (*In Russ.*)
- Turkin G. V. Modern Ideas about the Funeral and Memorial Rites of the Pre-Baikal Population (the epoch of late Bronze — Early Iron). In: Sociogenesis of North Asia: Past, Present, Future. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2003. Pp. 131–137. (*In Russ.*)
- Kharinsky A. V. Pre-Baikal Region in End of the 1st Millennium BC — Middle 2nd Millennium AD: the Genesis of Cultures and Their Periodization. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2001. 200 p. (*In Russ.*)
- Kharinsky A. V. Funeral Rite of the Population of the Volga Region at the Turn of the Era. In: Archeology and Cultural Anthropology of the Far East and Central Asia. Vladivostok : Izd-vo DVO RAN, 2002. Pp. 112–125. (*In Russ.*)
- Kharinsky A. V. Tsagan-Khushun-II Burial Ground on the Western Coast of Lake Baikal. In: Archaeology and Socio-cultural Anthropology of the Far East and Adjacent Territories. The Third International Conference “Russia and China on the Far Eastern Frontiers”. Blagoveshchensk : Izd-vo BGPU, 2003. Pp. 248–254. (*In Russ.*)
- Kharinsky A. V. Arming of the Inhabitants of the Priolkhonye in the 3rd Century BC — 4th Century AD and Some Trends in the Development of Military Affairs of the Pre-Baikal Population. In: Equipment of the Nomads of Eurasia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 46–51. (*In Russ.*)
- Kharinsky A. V. Forest-steppe Pre-Baikal Region in the Hunnu-Syanbiiskoe Time. In: Peoples of Inner Asia: Ethnosocial Processes in Geopolitical and Civilizational Dynamics. Ulan-Ude : Izd-vo BGU, 2006. Pp. 11–15. (*In Russ.*)
- Kharinsky A. V. Yelginsky Burials of the Baikal Region. *Izvestiya laboratorii drevnih tehnologii = News of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2014;3(12):19–43. (*In Russ.*)
- Kharinsky A. V., Korostelev A. M. The Results of the Study of the Funeral and Memorial Complex Tsagan-Khushun II “a” in the Priolkhonye. In: Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2011a. Vol. 2. Pp. 377–385. (*In Russ.*)

Kharinsky A. V., Korostelev A. M. The Western Coast of Lake Baikal in the Hunnu Period (based on the materials of the Tsagan-Khushun II burial ground). In: Hunnu: Archaeology, Origin of Culture, Ethnic History: Collection of Scientific Articles. Ulan-Ude : Izd-vo BNC SO RAN, 2011b. Pp. 173–203. (*In Russ.*)

Kharinsky A. V., Snopkov S. V. Iron Production by the Population of the Priolkhonye Region in the Yelga Time. In: News of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 2. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2004. Pp. 167–187. (*In Russ.*)

Tsybiktarov A. D. Culture of Tile Graves of Mongolia and Transbaikalia. Ulan-Ude : Izd-vo BGU, 1998. 288 p. (*In Russ.*)

Losey R. J., Waters-Rist A. L., Nomokonova T., Kharinskii A. V. 2017. A Second Mortuary Hiatus on Lake Baikal in Siberia and Arrival of Small-Scale Pastoralism. Scientific Reports 7:2319 doi:10.1038/s41598-017-02636-w.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Коростелев Алексей Михайлович, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия.

Aleksei M. Korostelev, Research associate of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 06.02.2021;
одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.*

*The article was submitted 06.02.2021;
approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.*